4. *Садовничий В. А.* Выступление на съезде Российского союза ректоров 30.10.2014 года, Москва // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/news/46892 (дата обращения: 10.05.2017).

5. *Супян В. Б.* Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. М., 2009.

6. Официальный сайт Института международного образования (IIE). URL: https://www.iie.org/en/Research-and-Insights/Project Atlas/ Explore -Data (дата обращения: 14.07.2017).

7. *Ян Жуй*. Впереди еще длинный путь: модернизация китайских университетов // Международ. высш. образование. 2014. № 77. С. 84–89.

8. Australia's exports of education services [Electronic resource]. URL: http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2008/jun/ pdf /bu-0608-2.pdf (accessed: 28.06.2017).

9. Australia in the Asian Century, January 2012 [Electronic resource]. URL: https://www.universitiesaustralia.edu.au (accessed: 05.06.2017).

10. *Salmi J.* The Challenge of Establishing World Class Universities. Washington, DC, 2009.

11. UNESCO–Global Flow of Tertiary-Level Students [Electronic resource]. URL: http://uis.unesco.org (accessed: 10.05.2017).

Рукопись поступила в редакцию 11 января 2018 г.

УДК 327.7 + 327.8 + 323.1(612)

К. М. Табаринцева-Романова
О. Ю. Пашкевич

СТРАТЕГИИ ХЕДЖИНГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере заседания Совета Безопасности ООН по вопросу гражданской войны в Ливии 2011 г.)

Статья посвящена теме вербального поведения в политическом дискурсе на глобальном уровне в рамках заседания Совета Безопасности ООН. Рассматриваются теоретические аспекты хеджирования — вербального приема, направленного на смягчение коннотативного значения фраз и придания им менее агрессивного тона. В частности, освещается такая проблема, как корреляция хеджирования и внешней политики Франции и Ливии. На примере ливийского конфликта в 2011 г. авторы статьи анализируют латентные намерения Франции, выраженные на вербальном уровне, что позволяет выделить характерные черты коммуникативной дипломатии на международной арене в конфликтных ситуациях. В данном случае наблюдается использование средств гибридной дипломатии постоянным представителем СБ ООН от Франции, когда мысли, слова и действия не соответствуют друг другу. В заключение делается вывод, что для достижения цели Франция, в лице постпреда СБ ООН, использует различные приемы хеджирования, чтобы представить в негативном свете режим М. Каддафи, ссылаясь при этом на неаргументированные и преувеличенные данные. Эмоциональное представление фактов подталкивает остальных членов Совета Безопасности согласиться с мнением адресанта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: хеджинг, Ливия, Совет Безопасности ООН, постпред, манипулятивные вербальные средства, международное сообщество.

© Табаринцева-Романова К. М., Пашкевич О. Ю., 2018

Активное изучение такого понятия, как хеджинг, начинается с 1972 г. — с работ Дж. Лакоффа, который впервые дал ему определение: хеджинг — это «слова или фразы, функция которых состоит в том, чтобы представить вещи неоднозначно, подразумевая тем самым, что индивиды не полностью уверены в точности информации, которую они излагают в процессе общения или в своих публикациях» [8, *470*]. Однако чуть ранее Л. Заде предложил «теорию нечетких множеств» (fuzzy set theory), согласно которой расплывчатость в семантическом определении какого-либо понятия обусловливается отдалением от прототипа этого понятия. При разработке своей теории он оперировал такими лексическими единицами, как very, more or less, essentially, slightly, technically, practically[1] и т. д. [13, *4–5*]. С этого момента, как полагают Х. Шредер и Д. Циммер, интенсивность исследований нового вербального феномена значительно увеличилась. Согласно исследованиям менее 1 % работ было опубликовано в 1960-е гг., спустя десятилетие эта цифра увеличилась до 10 %, пик работ пришелся на 80-е гг. прошлого столетия, объем их составил 43 % от всех публикаций по этой теме. Однако начиная с 1990-х гг. интенсивность исследований сократилась до 35 % [11, *253*].

Специфика употребления данного феномена обусловливается прагматичными целями, что в особенности проявляется в политическом дискурсе. Политические деятели часто вынуждены выстраивать свою речь таким образом, чтобы их выступление не отразилось негативно ни на репутации политика, ни на международном имидже государства. Такие специалисты, как П. Браун и С. Левинсон, ограничивают использование хеджинга до единственной цели — «избегать несогласия» [4, *116*], т. е. проявлять вежливость по отношению к собеседнику и сохранять лицо. Действительно лингвистические индикаторы могут стать хеджированием только в определенном контексте. Данное замечание касается абсолютно всех сфер разговорного жанра. Однако в наибольшей степени эта особенность проявляется в политическом дискурсе.

К. Опиц понимает под хеджингом «смягчающие и ограничивающие формулировки, с помощью которых говорящий хочет оградить себя от возможной критики и/или защититься от ошибочной интерпретации» [9, *212*].

Дж. Эрбен интерпретирует данное понятие как «особые языковые сигналы, используемые для ограничения или смягчения истинности собственных высказываний» [5, *16*]

Кен Хайленд характеризует хеджинг как «средство, с помощью которого адресат пытается представить фразу как собственное мнение, а не объективный факт» [7, *100*].

Как отмечает Р. Фалахати, использование хеджирования придает адресату уверенность в вербальном поведении и определяет точность высказывания [6, *99–100*]. Это, в свою очередь, позволяет избежать коммуникативных неудач.

В то же время, согласно Кубуи и Фанд, хеджирование имеет цель снизить категоричность фразы [10, *107*], т. е. говорящий избегает использования в своей речи «резких» высказываний.

---

[1] «Очень», «более или менее», «по существу», «слегка», «технически», «практически» (англ.).

В отличие от большинства коллег Е. Волд относит к функциям хеджинга убеждение и влияние на реципиента [12, *62*]. В этом проявляется другая черта феномена — манипулирование. Однако если манипулирование — это воздействие адресанта на собеседника с целью изменить его намерения в нужном для адресанта направлении, то хеджирование является более широким понятием, включающим как само манипулирование, так и другие вербальные приемы (абсолютизация фразы, использование метафор, аллюзий, интонация говорящего и др.).

Суммируя данные определения, можно сделать вывод о том, что хеджирование — это смягчение фразы, минимизация риска, формулирование высказывания в менее агрессивном тоне, использование высказываний, выражающих неопределенность, сомнение, неуверенность, скептицизм.

Подытоживая вышеперечисленные определения термина «хеджинг», можно выделить основные черты хеджирования. Во-первых, данный речевой прием позволяет урегулировать конфликтные коммуникативные ситуации без применения агрессивных высказываний. Ранее отмеченные функции хеджирования позволяют сделать вывод о том, что минимальной единицей изучения хеджинга может быть как одна лексическая единица, так и целое предложение, содержащее причинно-следственную конструкцию.

Рассмотрим применение стратегии хеджинга на примере выступления постоянного представителя Франции в СБ ООН г-на Аро на заседании от 26 февраля 2011 г.

Ливийский конфликт начался 15 февраля 2011 г., когда родственники погибших в тюрьме Абу-Салим заключенных собрались около здания суда, чтобы выразить протест против ареста Фахти. Быстрое нарастание конфликта и смена правительства привели к вмешательству западных государств в урегулирование возникшей ситуации. Попытки разрешить этот конфликт ознаменовались принятием резолюции СБ ООН 1970 г. (2011). Согласно принятому документу требовалось немедленное прекращение насилия и репрессий, полное соблюдение прав человека и международного права и привлечение к ответственности тех, кто несет ответственность за это насилие; вводились запрет на поездки, а также эмбарго на поставки вооружений [2].

Из всех участников западной коалиции Франция наиболее активно участвовала в событиях в Ливии (в отличие от конфликтов в Тунисе и Египте). Такая реакция может быть объяснена стремлением государства поднять личный рейтинг, а также получить часть ливийских ресурсов.

Франция входила в число 11 членов Совбеза, которые подготовили проект указанной выше резолюции. Стоит отметить, что во время обсуждения текста документа речь постоянного представителя Франции г-на Аро строилась на четком разграничении образов «мы» и «они». Причем выступление было выстроено по принципу «от худшего к лучшему». Таким образом, первоначально тактика г-на Аро направлена на формирование крайне негативного образа как ливийского режима, так и его лидера М. Каддафи. Это подкрепляется использованием соответствующих эмоционально окрашенных лексических единиц, например: «бесчеловечные и кровавые репрессии», «угрожающие заявления», «применение силы против», «преступления против человечности», «насилие», «безнаказанность»,

«жестокость», «несут ответственность» и т. д. Однако следует отметить, что, используя подобные эпитеты, г-н Аро должен был подкрепить их аргументацией, чего сделано не было. Данный факт позволяет утверждать, что убедительность и объективность французской позиции достаточно слабая. Говорящий пытается оказать эмоциональное давление на слушателей, не используя четкую аргументацию для своих выводов.

Кроме того, в указанном фрагменте содержится немалое количество митигационных средств речи, выполняющих роль «смягчения» смыслового контекста. К примеру, во фразе «как сказала Верховный комиссар по правам человека и как отмечается в резолюции 1970 (2011), в Ливии, возможно, совершаются преступления против человечности» [1]. Первая часть выражения («как сказала Верховный комиссар по правам человека и как отмечается в резолюции 1970 (2011)») ориентирована на такой прием, как уменьшение ответственности за высказывание. Это значит, что при появлении каких-либо вопросов автор (г-н Аро) будет ссылаться не на свое субъективное мнение, а на позицию того или тех, кого он цитировал, что позволит избежать критики в свой адрес. В то же время постпред Франции использовал хеджированный элемент «возможно», функция которого означает снижение абсолютизации фразы. Таким образом, выступающий манипулирует сознанием своих коллег с целью показать режим М. Каддафи в черных тонах и соответственно настроить против существующего режима тех политических лидеров, которые ранее поддерживали ливийскую власть.

Необходимо также учитывать еще одну тактику, которая позволяет снизить уровень ответственности говорящего. В этом случае довольно активно используется местоимение «мы» вместо «я». Например, «мы решили передать», «мы ввели санкции», «мы видели». В этих фразах мы наблюдаем призыв к конкретным коллективным мерам. Использование именно коллективных действий позволяет снять ответственность с Франции за возможные негативные последствия совершенных действий.

При этом на каждое принятое коллективное решение находится ряд оправдательных аргументов, поддерживающих данное решение. Так, на использование М. Каддафи оружия против своих граждан международное сообщество отреагировало эмбарго на поставки оружия; на существующий режим власти ответили санкциями в отношении законного руководства, а чтобы сместить М. Каддафи — решили передать дело в Международный уголовный суд. Последний факт весьма интересен, поскольку, согласно статуту римского права, суд может взять под следствие главу государства и вынести ему приговор, если докажут его виновность в международно-правовом деянии. В данном случае таковым стало обвинение в преступлении против человечности.

Вторая часть выступления посвящена теме «обязанностей» как со стороны Ливии, так и со стороны международного сообщества. Причем наблюдается использование в речи упреков в адрес Ливии: «обязана защитить свое население <...> а не совершать насилие против собственного народа» [Там же]. В то время как международное сообщество «обязано вмешиваться, когда государства свой долг не выполняют» [Там же]. Однако в этом случае ответственность по защите

населения противоречит нормам международного права, один из принципов которого — невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. Тем не менее постоянный представитель замалчивает об этом факте. Соответственно международное сообщество выступает «защитником» свободы, справедливости и демократии во всем мире.

Последнему компоненту «лучшей жизни», демократии, стоит уделить особое внимание. Согласно словам г-на Аро народ Ливии имеет право на демократию. Учитывая тот факт, что Ливия не является государством с демократической формой правления, г-н Аро уже косвенно заявляет о том, что к целям международного сообщества можно отнести свержение законного правительства, установление там западного режима, а в перспективе и прозападного руководителя (что и случилось впоследствии). Получается, что данная резолюция является основой для другого проекта, чьи способы урегулирования конфликта будут иметь более непредсказуемый характер. Лидеры некоторых государств предполагали такое развитие событий. Так, например, бывший в то время президентом Венесуэлы У. Чавес подчеркнул, что резолюция представляет собой «подготовку почвы для интервенции стран НАТО в Ливию с целью захвата нефти» [3].

Тем не менее в речи присутствуют два противоположных хеджированных элемента, которые выполняют определенные функции. Это смягчение фразы (через использование фраз, содержащих неуверенность) и ее абсолютизация или категоризация (через использование говорящим уверенного тона):

— «Мы *надеемся*, что ответственные стороны ливийского режима услышат *сигнал* международного сообщества...» (т. е. нет уверенности, что руководство прекратит совершение преступлений против народа);

— «*Обязанность* международного сообщества вмешаться...»;

— «...СБ *просто обязан* был встретить этот день на стороне ливийского народа (только внешние акторы могут решить внутренний конфликт).

В последнем примере содержится двойное усиление фразы посредством употребления слова «просто». Г-н Аро ясно дает понять, что для международного сообщества приоритетом являются права человека, а не невмешательство во внутренние дела государства. Конструктивный диалог с ливийской властью отсутствовал (в отличие, например, от Украины), поэтому с самого начала конфликта в Ливии Франция выбрала тактику нападения как в физическом, так и в вербальном плане.

Финал своего выступления г-н Аро строит на оптимистическом заключении. В частности, анализируя его речь, можно прийти к выводу, что принятая резолюция — это первый (и, возможно, единственный) шаг к урегулированию конфликта. Такие речевые элементы, как «ветер свободы», «историческое значение», «новая эра», обозначающие резолюцию 1970 (2011), позволяют акцентировать внимание слушателей на наличии исключительно положительной перспективы развития ситуации в Ливии. Таким образом, абстрагируясь от реальных проблем и выделяя только положительные моменты в дальнейшем развитии ливийской ситуации, коллеги по СБ невольно начнут верить словам г-на Аро и соответственно соглашаться в дальнейшем с его позицией.

В связи с вышесказанным представляется возможным выделить следующие особенности использования хеджинга французской стороной. Главная коммуникативная цель адресанта — представить негативный образ «врага», т. е. М. Каддафи, и положительный образ международного сообщества. Другими словами, выстроить позицию «мы — они», опираясь на правильно подобранные хеджированные элементы, а именно, митигация, завуалированность высказывания, уменьшение субъективности аргументации и ответственности говорящего за свое высказывание. Из этого всего следует, что речь французского постпреда опирается на эмоциональную составляющую высказывания, позволяя оратору осуществить прием давления на адресатов и склонить их к принятию выгодного для оратора решения, в частности, к голосованию за проект резолюции 1970 (2011).

Таким образом, роль хеджирования в современных условиях международных отношений определяется необходимостью реализовывать практические цели, в том числе и национальные интересы государства, на вербальном уровне. Корректно построенные речевые конструкты позволяют представить практически любую ситуацию на международной арене в выгодном для говорящего свете, что может стать гарантом увеличения числа сторонников той или иной концепции адресанта.

---

1. Заседание Совета Безопасности ООН от 26 февраля 2011 года [Электронный ресурс]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N11/245/30/PDF/N1124530.pdf?OpenElement (дата обращения: 29.03.2018).

2. Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/1970 (2011) [Электронный ресурс]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/245/60/PDF/N1124560.pdf?OpenElement (дата обращения: 29.03.2018).

3. Уго Чавес: иностранная военная интервенция в Ливии имеет своей целью захват нефти этой арабской страны [Электронный ресурс]. URL: https://bnews.kz/ru/news/politika/vneshnyaya_politika/ugo_chaves_inostrannaya_voennaya_interventsiya_v_liviu_imeet_svoei_tselu_zahvat_nefti_etoi_arabskoi_strani (дата обращения: 27.03.2018).

4. *Brown P, Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 2000.

5. *Erben J.* Deutsche Syntax. Eine Einführung. Bern ; Frankfurt a/M ; N. Y., 1984.

6. *Falahati R.* The Use of Hedging across Different Disciplines and Rhetorical Sections of Research Articles. Paper presented at the 22nd NorthWest Linguistic Conference of SFU, Burnaby. Febr. 18–19, 2006.

7. *Hyland K.* 1996. Writing without conviction? Hedging in science research articles // Applied Linguistics. 1996. 17/4. P. 433–454.

8. *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. Chicago, 1972. P. 459–508.

9. *Opitz K.* Formelcharakter als Indiz für Fachsprachlichkeit: ein definitorischer Ansatz // Kühlwein W., Raasch A. [Eds.]. Sprache: Lehren & Lernen. Bd. 1 / K. Opitz. Tübingen : Narr., 1981. P. 201–223.

10. *Salager-Meye F.* I think that perhaps you should: a study of hedges in written scientific discourse, in Miller, T. (ed.) Functional Approaches to Written Texts: Classroom Applications. Washington, 1997. P. 105–118.

11. *Schröder H., Zimmer D.* Hedging research in pragmatics: a bibliographical research guide to hedging, in Markkanen, R. & Schröder, H. (eds.) 73 Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. B., 1997. P. 249–257.

12. *Vold E. T.* Epistemic modality markers in research articles: a cross-linguistic and cross-disciplinary study // International Journal of Applied Linguistics. 2006. 16/1. P. 61–87.

13. *Zadeh L. A.* (1972) A Fuzzy-Set-Theoretic Interpretation of Linguistic Hedges // Journal of Cybernetics. 1972. 2:3. P. 4–34.

Рукопись поступила в редакцию 8 мая 2018 г.

УДК 343.32 + 316.485.25 + 323.28 + 323.1(5-15) **Ф. Рабайа**

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Статья посвящена рассмотрению определения международного терроризма в международном праве, западной и арабской историографии. Анализируются причины отсутствия единого определения понятия «международный терроризм». Автор приходит к выводу о применении западными державами политики «двойных стандартов» в отношении национально-освободительных движений в регионе Ближнего Востока. Маркер «террористическая организация» используется западными экспертами в отношении не только терроризма, но и национально-освободительных движений, действующих в арабском мире. Автор статьи при характеристике критериев международного терроризма опирается на мнение арабских авторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международный терроризм, политика «двойных стандартов», вооруженная борьба, национально-освободительное движение, арабский мир, регион Ближнего Востока.

Международный терроризм представляет собой сложную междисциплинарную проблему. Обострение глобальной проблемы международного терроризма на рубеже XXI в. стало отличительной чертой нынешнего этапа развития мирового сообщества.

В XX в., после окончания Второй мировой войны, наблюдался резкий рост национально-освободительных движений. И первыми террористами XX в. стали еврейские радикальные группы на Ближнем Востоке, которые использовали террористические методы борьбы с англичанами, чтобы создать свою собственную государственность на Святой земле [4]. На всем Ближнем Востоке Великобритания, Франция и Соединенные Штаты были восприняты большинством населения как агрессоры и колонизаторы. Рост таких настроений подпитывался также политикой Соединенных Штатов, которые вступили в конфронтацию с СССР в рамках холодной войны и начали активно наращивать свое военное и финансовое присутствие на Ближнем Востоке в ответ на расширение зоны влияния СССР в странах региона Центральной и Восточной Европы [6].

Именно Ближний Восток стал основным фронтом противостояния между СССР и Соединенными Штатами, а затем — между Соединенными Штатами и Россией. Более того, с целью мобилизации масс обе стороны использовали свои ресурсы для поддержки различных освободительных движений. Когда был

© Рабайа Ф., 2018